

Альфонс Донансьен
Франсуа
маркиз де Сад

◆
ЛЮБОМУДРИЕ
В БУДУАРЕ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2011

ВОЛЬНОДУМЦАМ

Вам, сладострастники всех возрастов и полов, и только вам подношу я сей труд: питайтесь его принципами — они станут потворствовать вашим страстям. А страсти сии, коими холодные и плоские моралисты вас пугают, — не более чем средства, используемые природою для приведения человека к тем видам, что она на него имеет. Прислушивайтесь токмо к сим восхитительным страстям: единственно их голос должен привести вас к счастью.

Похотливые женщины, да будет для вас образцом сластолюбие Сент-Анж! Пренебрегайте, согласно ее примеру, всем, что противоречит божественным законам

наслаждения, подчинившим себе всю ее жизнь.

Юные девы, долгие годы сдерживаемые нелепыми и опасными веригами вымышленной добродетели и пошлой религии! Подражайте пылкой Евгении, разрывайте, попирайте ступнями с такую же решительностью все сии смехотворные правила, вдолбленные в ваши головы слабоумными родителями.

А вам, распутные любезники, с молодых ногтей не ведающие никакой узды, кроме собственных желаний, и никаких законов, кроме собственных капризов, вам пускай послужит примером циничный Дольмансе. Ступайте за ним без оглядки толь далеко, дабы и далее было некуда, ежели, конечно, желаете исходить все цветущие дороги, каковые похоть вам уготовила. Убедитесь, пройдя выучку у него, что токмо расширяя сферу своих прихотей и фантазий, токмо

жертвует всем в угоду сладострастию, несчастная особь, именуемая мужчиной и заброшенная, вопреки собственной воле, в сей унылый мир, может с успехом взлелеять несколько роз на терновых кустах жизни.

Всякая мать предпишет сие чтение своей дочери.

ПЕРВЫЙ ДИАЛОГ

*Мадам де Сент-Анж,
кавалер де Мирвель*

М-М ДЕ СЕНТ-АНЖ. Добрый день, братец. Ну так что, месье Дольмансе?

КАВАЛЕР. Он прибудет ровно в четыре, ужинаем мы не раньше семи, и, как видишь, нам вполне достанет времени, дабы пощebetать.

М-М ДЕ СЕНТ-АНЖ. Тебе ведь известно, братец, коль редко я задумываюсь над чем-либо и в силу моей причудливости, и в силу увлеченности всеми непристойными планами, составленными на сегодня... Воистину, друг мой, ты слишком снисходителен: чем более подобает мне быть благоразумною, тем более моя окаянная голова пыляет и преисполняется распутством, а ты

спускаешь мне все, и сие не может меня не портить... В двадцать шесть лет мне в пору бы уже сделаться богомолкою, а между тем я по-прежнему остаюсь развратнейшею из женщин... И, кажется, уж нет такой затеи изо всех, что могу себе токмо представить, друг мой, каковую восхотела бы я осуществить. Одно время я воображала, что, коли стану довольствоваться женщинами, сие сделает меня мудрее... что мои похоти, сосредоточенные на представительницах нашего полу, не улетучатся, направляясь за сим к вашему. Несбыточные проекты, друг мой! Оказалось, что удовольствия, каковых я пожелала себя лишити, возможно принести в жертву токмо ценою возрастающего в моей душе пыла — и я поняла, что уж бессмысленно даже мечтать о том, чтобы себя обуздать: любая сбруя будет разодрана бешеными хотениями. И наконец, дорогой мой, я ведь — животное-амфибия, люблю

все, забавляюся всем, я жажду смешения жанров! Так признайся, братец, разве не естественным образом дополняет мою экстравагантность желание познакомиться с причудливым сим Дольмансе, коему, как ты говоришь, ни разу в жизни не пришло рассматривать женщину в соответствии с ее натуральным предназначением; каковой, будучи убежденным содомитом, не токмо является преданным поклонником вашего брата, но и нашей сестры не упустит на том особом условии, что ему будут предоставлены прелести, каковыми он привык пользоваться у мужчин? И вот, братец, koliko диковинная меня посетила фантазия: я хочу стать Ганимедом сего новоявленного Юпитера, жажду насладиться его склонностями, его извращениями. До сегодняшнего дня, ты знаешь, дорогой, я отдавалась такою манерою токмо тебе, из любезности, иль кому-нибудь из моих людей, получавшему

плату за то, дабы попотчевал меня таким образом, ради моей прихоти... Ныне се уж не любезность, не каприз — се единственная склонность, каковая меня возбуждает... Я вижу меж теми приемами, каковые меня уже покорили, и теми, что еще покорят в сем изумительном пристрастии, немислимую разницу, и я желаю ее познать.

Опиши мне твоего Дольмансе, умоляю, дабы я хорошо представила его себе прежде, чем увижу. Ты знаешь, мне как-то раз доводилось встречать его в одном доме, но мы пробыли вместе всего несколько минут.

КАВАЛЕР. Дольмансе, сестра, вот-вот достигнет своей тридцать шестой годовщины. Он крупный мужчина, великолепного сложения. Глаза — необыкновенно живые и одухотворенные, но нечто грубоватое и даже немного злодейское невольно проступает в его чертах. У него красивейшие в мире зубы. Некоторая изнеженность

в талии и осанке несомненно объясняется привычкою частенько исполнять женские партии. Он — сама элегантность. У него очаровательный голос, множество талантов, и особенное внимание обращает на себя философический склад ума.

М-М ДЕ СЕНТ-АНЖ. Я надеюсь, в Бога он не верит?

КАВАЛЕР. Ах! О чем ты говоришь! Он — известнейший атеист, человек положительно аморальный... О! Се — воплощенная испорченность, наиполнейшая, глубочайшая! Личность самая гадкая и самая преступная, какую токмо возможно себе представить.

М-М ДЕ СЕНТ-АНЖ. Как ты меня сим распяляешь! Я с ума сойду от сего человека. А его наклонности, братец?

КАВАЛЕР. Тебе оные ведомы: услады Содома ему равно дороги и в активной, и в пассивной ролях; он любит токмо мужчин